

Первый роман

Сестры ВОРОБЕЙ

Рыцарь-невидимка

Первый роман

Вера и Марина Воробей

Рыцарь-невидимка

«РОСМЭН»

Воробей В.

Рыцарь-невидимка / В. Воробей — «Росмэн», — (Первый роман)

Самая тихая и незаметная девочка в классе, Ира Наумлинская, обратилась к Гале Снегиревой с очень неожиданной просьбой – написать любовное послание в стихах от имени Иры. Галя согласилась. Но когда письмо было вручено адресату, авторство беспардонно присвоила Тополян. Ира в отчаянии. Что делать? Ведь бесцеремонная Светка назло ей и Гале заведет роман с тем, кого Ира считает своим рыцарем-невидимкой.

© Воробей В.

© Росмэн

Содержание

1	5
2	7
3	11
4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вера и Марина Воробей

Рыцарь-невидимка

1

Ира Наумлинская была такой тихой и незаметной девушкой, что порой учителя (что уж об учениках говорить!) забывали, что в классе есть такая ученица. Спасал лишь классный журнал. И когда на перемене, перед уроком химии, Ира подошла к Снегиревой, та очень удивилась, но вида, конечно, не подала.

– Галь, у меня к тебе дело... Вернее, просьба, – тщечно борясь со смущением, пролепетала Наумлинская. Она нервно накручивала на указательный палец прядь темных, почти черных волос, выбившихся из ее обычно тщательно уложенной прически. Впрочем, прическа была незамысловатой – обычный хвостик, правда, очень толстый. Волосы Ирины отличались густотой и имели необыкновенный синева-серебристый оттенок.

– Дело? Ко мне? – даже не пыталась скрыть удивления Снегирева.

– Ну да... Ты же пишешь стихи?

– Пишу.

– А ты могла бы мне помочь в одном деле? – Ира заметно волновалась. Ее щеки залила пунцовая краска, а губы девушка то и дело облизывала, чем вызывала невольное напряжение у своей собеседницы.

– Тебе нужна моя помощь? Но в чем? – попыталась подобраться ближе к делу Галина.

– Да, помощь, – кивнула Наумлинская, потупив взгляд. – Только ты не удивляйся, ладно? – резко вскинула голову она.

– Постараюсь... Но вообще-то...

– Галя, а что ты думаешь о Володе Надыкто? – ошаршила ее вдруг Ирина.

– О Надыкто? Да ничего не думаю... Нормальный вроде бы парень... А что такое? Он тебя обидел?

– Нет, что ты! Совсем наоборот! – испуганно замахала на нее руками Наумлинская. – Вернее... В общем, Володя мне нравится... Очень...

– А я тут при чем? – невольно вырвалось у Снегиревой. Впрочем, она тут же пожалела об этом и, увидев, как изменилась в лице Ирина, поспешила исправить свою невольную бестактность:

– То есть я не то хотела сказать, извини... Чем же я могу тебе помочь? – спросила она, дотрагиваясь до локтя Наумлинской.

– Напиши, пожалуйста, стихотворение... Ему... Но только от моего имени, понимаешь? Как будто бы это я написала...

– Ты хочешь, чтобы я написала Надыкто любовное послание в стихах от твоего имени? – Галя невольно почесала затылок.

– Ну да... – вконец смутилась Ира. Казалось, что, если бы можно было сейчас провалиться сквозь землю, девушка бы этой возможности только обрадовалась. – Может быть, не любовное, но хотя бы дружеское... Володе же нравится Лу... Я это понимаю... Но ведь мы с ним могли бы просто дружить...

Наумлинская так сильно переживала, то и дело вытирая тыльной стороной ладони пот над верхней губой, что Гале даже стало жаль ее. Но просьба одноклассницы была настолько неожиданной, что Снегирева никак не могла сосредоточиться. Она сделала глубокий вздох, резкий выдох и тряхнула волосами.

– Ну хорошо. – Галя серьезно взглянула на Иру. – Если ты хочешь признаться Надькто в любви...

– Нет... – испуганно перебила ее Наумлинская. – Хотя... Я и сама, если честно, не знаю, чего хочу, – сказала девушка, смущенно опуская голову.

– Может быть, ты сперва определишься в своих желаниях, а потом поговорим о стихах, – мягко, но в то же время назидательно, будто бы была старше Иры по крайней мере лет на десять, предложила Снегирева. – И потом, почему бы тебе не подойти к нему и просто так, без всяких стихов не поговорить? – продолжила она тем же тоном. – Если ты сама не решаешься, можем вместе...

– Что ты! – перебила Ира, выпучив на Галю свои светло-карие чуть раскосые глаза. – Я не смогу... Ни за что не смогу... А ты бы смогла? – неожиданно резко спросила она вдруг.

– Не знаю даже, – пожала плечами Галя. – Ну ладно, если хочешь, я могу попробовать...

– Спасибо тебе огромное! Я так рада, что ты не стала меня отговаривать и осуждать, – запричитала Наумлинская.

– И все-таки, – задумчиво протянула Галина, – мне кажется, что можно было бы написать письмо обычными словами, в прозе. Потому что в стихах, по-моему, слишком пафосно, что ли...

– Нет, Галь... – снова сникла Наумлинская. – Я, конечно, понимаю, что у тебя и без меня дел по горло, но я потому и обратилась с этой просьбой именно к тебе, что хотела сразу, с первой же секунды поразить Володю.

– Ты думаешь, он поразится? – скептически улыбнулась Снегирева. Она всегда считала Иру Наумлинскую слишком, почти болезненно скромной, доверчивой и простоватой девушкой, но не предполагала, что та окажется наивной до такой степени. – Кого в наше время можно удивить стихами?

– Нет, Галь, – покачала головой Наумлинская. – Ты просто не знаешь Володю... Он такой чувствительный и добрый... Я очень давно за ним наблюдаю... Уже целый год.

2

Иру Наумлинскую, невысокую тоненькую, всегда модно одетую девушку, можно было бы назвать даже красивой, если бы не выражение уныния, которое буквально не сходило с ее лица – очень необычного, кстати, лица: с тонкими, красиво очерченными бровями, слегка раскосыми, далеко друг от друга посаженными глазами, широкими скулами, маленьким, немного вздернутым носиком, пухлыми ярко-розовыми губками. Оно могло бы, пожалуй, украсить обложку любого модного журнала, если бы... Тут даже трудно было понять, в чем крылась причина, но, только едва взглянув на Ирино лицо, хотелось тут же отвести взгляд в сторону. Наумлинская это чувствовала, просто не могла не чувствовать, и сие обстоятельство уж никак не прибавляло бедной девушке уверенности в собственной привлекательности. А дело было в том, что Ире не нравились (да что там не нравились, она просто ненавидела!)... собственные глаза.

Когда-то давным-давно – тогда Наумлинская училась в третьем классе – один придурок обозвал ее монголкой. Придя домой, девочка целый час провела у зеркала, пытаясь пальцами расширить глаза. Когда с работы вернулась мама, Ира пристала к ней с расспросами: почему, мол, у нее, у мамы, нормальные глаза, у папы тоже, а у Иры такие?

– Какие? – с удивлением посмотрела на маленькую дочь Евгения Павловна.

– Монгольские, – сопя носом, ответила Ира.

– Да никакие они не монгольские! Что ты придумываешь? – улыбнулась мама.

Но Ире было не до смеха. Вырвавшись из маминых объятий, она потребовала, чтобы Евгения Павловна достала семейный альбом. И целый вечер дочь с невероятным для девятилетнего ребенка вниманием изучала фотографии бабушек, дедушек, прабабушек и прадедушек, пытаясь отыскать хоть у кого-то из предков похожие на свои глаза и скулы. Но, увы, все они имели самый обыкновенный европейский разрез глаз.

– Мам, а может, меня в роддоме перепутали? – упавшим голосом спрашивала Ира.

– Перестань глупости говорить! – не выдержала наконец мама. – Да это, если хочешь знать, твоя изюминка! Вот увидишь, все девчонки тебе еще завидовать будут!

Но, к сожалению, пророчества Евгении Павловны так и не сбылись. С этого самого дня жизнерадостность Иры прямо на глазах угасала. И из смешливой, приветливой девочки она с катастрофической быстротой превращалась в подавленного, унылого и неуверенного в себе ребенка. Зеркала Ира ненавидела лютой ненавистью, но удержаться, чтобы лишний раз, проходя мимо, не взглянуть на собственное отражение, не могла. Так она изо дня в день травила себе душу, всматриваясь в столь ненавистные собственные глаза, доставшиеся ей неизвестно от кого. А если ты сама себе не нравишься, сама себя не любишь, то будь ты хоть тысячу раз красавицей, никому и никогда ты понравиться не сможешь, и любви ты ни от кого не дождешься, пока сама себя не полюбишь. И это хоть и грустный, но факт.

– А ведь Ирка ничего... Даже красивая, – удивлялись одноклассницы, обсуждая на вечеринках (на которые Иру со временем даже приглашать перестали – все равно не придет) Наумлинскую.

– Вообще-то да... Красивая. Но только есть в ней что-то такое странное... Будто бы отталкивающее. И уж больно она нелюдимая.

А этим странным, отталкивающим и было не что иное, как собственная нелюбовь Наумлинской к самой себе. И сколько раз бедная Евгения Павловна пыталась помочь дочери, приглашая самых высококлассных детских психологов. Все бесполезно. Ира вбила себе в голову, что она отвратительная уродина. На улицу девушка выходила лишь в случае крайней необходимости, а о том, чтобы ей пойти на дискотеку или к кому-нибудь на день рождения, и речи быть не могло.

Но в глубине души Наумлинская лелеяла тайную надежду, что когда она вырастет, станет зарабатывать деньги и сможет сделать себе пластическую операцию, жизнь ее круто переменится, и все сразу станет хорошо. Ира была непоколебимо уверена, что стоит ей только сделать себе «нормальные, как у всех», глаза, как жизнь ее превратится в сказку. Сразу появится принц, который посмотрит в ее большие глаза и скажет: «Я так долго тебя искал!» Он посадит Иру... нет, не на белого коня, а в черный «Мерседес», и они умчатся в загс...

Но ведь до этого дня надо было как-то дожить, дотянуть, домучиться. И она доживала, дотягивала, домучивалась, собирая статьи из популярных журналов, в которых рассказывалось о достижениях в области пластической хирургии... И вдруг как гром среди ясного неба – Надыкто! А ведь они семь лет до этого в одном классе проучились. И надо же было такому случиться, что однажды...

В этот день Наумлинская, как обычно за пятнадцать минут до начала первого урока, открыла дверь в класс. С удивлением смотрела девушка на пустые парты, не сразу заметив сидевшего в правом углу, на самой последней парте, Володю Надыкто.

– Привет... – тихо проговорила Ирина. – А где все?

– Так вчера же сказали, чтобы приходили к третьему уроку. У химички какое-то выездное совещание, – сказал Надыкто, не отрывая взгляда от какой-то книги.

– Понятно, – протянула Ира. – Меня вообще-то всю неделю не было. Вот первый день после болезни пришла.

– Да? – сделал вид, что удивился, Надыкто.

А Ира с горечью подумала, что никто из одноклассников ей не позвонил. «Да они наверняка и не заметили даже моего отсутствия», – принялась мысленно травить себе душу Ирина. И тут ее печальные мысли прервал неожиданно бодрый голос Надыкто:

– Слушай, Наумлинская, чего мы с тобой будем целых два часа в пустом классе скучать? Я тут на днях местечко одно присмотрел прикольное... Хочешь, сходим вместе? Тут недалеко.

От неожиданности у Наумлинской пересохло в горле. Никогда еще никто из парней не предлагал ей куда-нибудь пойти. И вместо ответа она спросила:

– А ты почему пришел, если знал?

– Да по глупости, – отмахнулся Володя. – Башка дырявая. А из-за дурной головы, сама знаешь, и ногам покоя нет. Ну так ты идешь или я сам?

– Ну, пошли... – неуверенно пожала плечами Ира.

Володя тут же быстро убрал в рюкзак свою книгу. Ира краем глаза увидела, что это был томик стихов Есенина.

– А куда мы идем? – спросила Ира, когда они вышли за пределы школьного двора.

Накрапывал мелкий противный дождик, и девушка натянула на голову капюшон. Вообще вся неделя выдалась дождливой, и этот день, к сожалению, исключением не стал.

– Короче, место такое классное! – вздохнул Володя. – Выставка рыб, всяких там насекомых, рептилий. Дико интересно! Ты просто даже себе и представить не можешь... Нет, так не расскажешь, это надо видеть! – замотал головой парень, секунду помолчал, но все же не смог удержаться от соблазна и, махнув рукой, принялся живописать достоинства выставки: – Там есть тараканы огромные. – Володя развел руки так, что, судя по этому его жесту, можно было подумать, что один такой таракан имеет длину никак не менее двух метров. – Их едят даже, прикинь? – Он победно взглянул на Иру и, увидев в ее глазах изумление, пояснил: – Не у нас, в Японии. Там этих гигантских таракашек засаливают, как рыбу, и подают к пиву.

Ира молчала. Она только покачивала головой, пытаясь представить, как это можно есть соленых тараканов. Невольно девушка передернула от отвращения плечами.

– Это еще что! – сунул руки в карманы куртки Надыкто. Он остался явно доволен произведенным эффектом и останавливаться, похоже, не собирался: – Пауки-птицееды! Слышала о

таких? Один паучок, особо, наверное, трудолюбивый, половину террариума паутиной заплел, представляешь? – Володя восхищенно посмотрел Наумлинской в глаза, та снова лишь головой покачала в ответ. – Ну, еще есть рыбы: пираньи, мурены, скаты там, а самое интересное, – Надыкто загадочно улыбнулся, выдержал паузу и выдохнул: – Черепаха-камень!

– Это как? – заморгала Наумлинская, повернула было лицо к Надыкто, но тут же отвернулась, представив себе, как нелепо выглядят сейчас ее монгольские глаза.

– Короче, я вначале подумал, что это просто камень лежит на дне террариума среди коряг. Огромный такой булыжник. Только не гладкий, а с острыми краями и мхом будто бы поросший. Поднимаю голову, читаю: какая-то там дико редкая черепаха, ну и так далее. Где же она есть, думаю, эта черепаха? Хотел уже даже к служительнице подойти, когда эта мадам соизволила вдруг лапой пошевелить. Я пригляделся и вижу – правда черепаха. Но такая необычная, блин, просто караул! Там еще про нее написано, что она самая коварная из всех черепах. Она, короче, большую часть своей черепашьей жизни проводит с открытым ртом. А во рту у нее язычок, который постоянно двигается. Это чтобы рыб приманивать. А глупые рыбы, думая, что это червячок, сами заплывают к ней в пасть. Прикинь! Ей даже делать ничего не надо – охотиться там... Классно устроилась, прикинулась булыжником, открыла пасть и лежит ждет, когда обед к ней сам приплывет! Умеют же некоторые, – покачал головой Володя.

– Интересно, – сказала Ира, только чтобы не молчать. И вдруг ни с того ни с сего спросила: – Володя, а ты любишь стихи?

– Люблю... – несколько опешил он. – А при чем здесь стихи?

– Просто, когда ты убирал в рюкзак книжку, я увидела, что на обложке было написано: «Сергей Есенин».

– Да, – немного смущенно подтвердил Надыкто. – Есенин – мой любимый поэт...

– А какие поэты тебе еще нравятся? – удивляясь собственной смелости, поинтересовалась Ирина.

– Да многие... Пастернак, например, Ахматова...

– Я тоже люблю Ахматову, – сказала Наумлинская. – Володя, а почему ты меня пригласил на эту выставку?

– Ну как? Просто я...

Володя хотел сказать буквально следующее: «Просто я такой человек, что, когда прочитаю или увижу что-нибудь стоящее, сразу хочу, чтобы как можно больше людей то же самое узнали или увидели». Но договорить он не успел, потому что в эту самую секунду из-за угла вывернула бежевая «девятка» и на полной скорости пронеслась прямо по огромной луже, образовавшейся у края тротуара. Короче говоря, когда Надыкто посмотрел на свою спутницу, то увидел, что та с ног до головы заляпана грязью. Сам же он, поскольку шел с левой стороны, остался совершенно чистым. Ну разве что пара капель попала на джинсы. На Иру же больно было смотреть. От растерянности девушка принялась размазывать грязь по щекам, от чего стала выглядеть еще нелепей. Похоже, она была в состоянии, близком к шоку. Недолго думая Надыкто, забросив рюкзак за спину (до этого он нес его, перекинув одну лямку через плечо), подбежал к самому краю тротуара и с разбегу плюхнулся в самый центр злополучной лужи.

– Отойди! – строго приказал он Наумлинской. Ира ошарашенно уставилась на него!

И когда Надыкто убедился, что Ира находится на безопасном от лужи расстоянии, он принялся с таким отчаянным остервенением прыгать, поднимая вокруг себя столбы жидкой грязи, что редкие прохожие долго еще не могли прийти в себя, вспоминая сумасшедшего мальчика. А мальчик вовсе, как вы понимаете, не был сумасшедшим. Он просто органически не переносил несправедливости. Ведь это же было нечестно: они шли вдвоем, а грязью оказалась забрызгана одна Наумлинская. Что же теперь делать? Ясное дело, нужно восстановить справедливость! И поскольку Наумлинской уже ничем помочь было нельзя, Володя решил испач-

каться сам. И это у него, надо сказать, получилось превосходно! Во всяком случае, грязи ему досталось ничуть не меньше, чем бедняжке Наумлинской.

– Зачем ты это сделал? – тихим голосом спросила Ира, проводя пальцами по бурой от грязи щеке Володи.

– Ради справедливости, – честно ответил парень. – То б тебе обидно было, а так мы на равных, – сказал Надыкто и широко улыбнулся. И не было в его интонации и тени того, что называют самодовольством или бахвальством.

Нет, поступок Надыкто шел от сердца, а не от желания показаться лучше, чем он есть на самом деле. Это был совершенно искренний порыв. И будь на месте Наумлинской, скажем... Да кто угодно, даже парень! Володя все равно сделал бы то же самое. Таким уж человеком был Володя Надыкто. Только мало кто об этом знал. А вот Ира теперь знала. Теперь ей казалось, что никто из одноклассников не видит, не замечает, не чувствует, с каким исключительным человеком они вместе учатся. Ведь таких людей на свете больше нет. Ира точно знала это. И как она раньше ничего не видела? Да так же, как и все они... Чему же тут удивляться! А что бы было, если б не этот случай? Подумать страшно... Так и проучились бы в одном классе до конца, и она, как и все, встречалась бы каждый день с Володей, даже не подозревая, какой это на самом деле исключительный человек. Но теперь-то она знает! Единственная из всех знает. И как же может эта гордячка Лу Геранмае отвергать такого... рыцаря? А он-то сколько лет безответно влюблен в нее! И, похоже, уже даже и не надеется на взаимность. А Лу даже смотреть не желает в его сторону. Только использует его, когда ей что-то вдруг понадобится. Сделала из него мальчика на побегушках! А ведь Володя – рыцарь! Настоящий средневековый рыцарь. Ну и выбрал же он себе даму сердца! Хотя все они, если вспомнить, выбирали себе в дамы сердца холодных и не способных оценить благородство их души женщин.

Надыкто представлялся теперь Ире настоящим рыцарем, а когда она закрывала глаза, то так и видела его стоящим возле классной доски в тяжелых доспехах, шлеме, со щитом и мечом в руках.

С этого дня жизнь Иры Наумлинской круто изменилась.

3

В тот день они, как вы понимаете, так и не попали ни на какую выставку. Володя проводил Иру до самого подъезда, после чего тоже зашагал домой переодеваться. Они явились в школу, как и положено было, к третьему уроку. Ире казалось, что теперь их связывает общая тайна. Она была уверена, что Володя теперь не сможет относиться к ней так, как раньше, то есть *никак*. Усевшись за свою парту, девушка обернулась. Надыкто смотрел в окно, не замечая ее красноречивого взгляда. Набравшись смелости, она окликнула его:

– Володя!

Парень обернулся.

– Ну как ты?

– Нормально, – последовал удивленный ответ. – А что такое?

– Да ничего... Просто я думала... – И тут Наумлинская запнулась.

Не скажет же она ему, в самом деле, про тайну, которая теперь якобы должна их навеки связать! Похоже, Надыкто ни о чем таком и не помышлял. Он внимательно посмотрел на одноклассницу и сказал:

– У меня все в порядке. А тебя родители не ругали?

– Нет, – счастливо улыбнулась Ира. – Дома никого не было.

– Ну и хорошо, – сказал Володя, и тут прозвенел звонок на урок, но Наумлинская все-таки успела шепнуть «спасибо».

Впрочем, Надыкто не услышал этого.

Дни шли за днями, недели сменяли одна другую, и ничего, казалось, не изменилось в отношениях Надыкто и Наумлинской. Но это только казалось. Потому что в душе у девушки бушевала настоящая буря чувств. Правда, выхода она этой буре не давала, хоть это и стоило ей немалых усилий. А Володя, что ж, в его душе, по всей видимости, ничего такого не происходило. И он очень удивился бы, скажи ему кто-нибудь, что после того неудачного похода на выставку рептилий Наумлинская потеряла голову от любви к нему. Почти целый год потребовался Ире, прежде чем она решилась подойти к Гале Снегиревой. И ни разу за все это время девушка не разочаровалась в «своем рыцаре». Теперь Наумлинская никак иначе в своих мыслях и не называла Володю. А ведь она присматривалась к нему. Очень даже пристально присматривалась! Нет, не ошиблась она в Надыкто. Этот парень, хоть и не выпячивался никогда, не лез, где надо и не надо со своим «я», как, скажем, Фишкин, но зато всегда оказывался в нужном месте в нужную минуту. То есть там, где как раз требовалась его помощь. Причем делал он это, как уже было сказано, тихо и так, что у человека, которому он помогал, часто складывалось впечатление, что он сам, без посторонней помощи выбрался из затруднительной ситуации. Таким вот редким талантом обладал этот неприметный с виду паренек, Володя Надыкто.

Но что же мешало Ире раньше намекнуть Володе о своих чувствах? Пусть даже таким способом, к которому она прибегла теперь? Почему ей понадобился для этого целый год? Может быть, девушка была не уверена в собственных чувствах и хотела убедиться, что это не какой-нибудь порыв сиюминутный, а нечто настоящее, глубокое, подлинное? Нет, дело тут было совсем в другом...

Ну прежде всего болезненная неуверенность в себе. Чего только не делала Наумлинская, чтобы увеличить, хотя бы зрительно, свои восточные глаза. Сколько книг и косметических пособий проштудировала бедная девушка, но результат, к сожалению, ее ни в коей мере не устроил. Ну не желали ее глаза превращаться в нормальные. Хоть ты тресни! В конце концов Наумлинская решила для себя, что если уж Володя не сможет ее полюбить (во всяком случае, до того момента, как она сделает пластическую операцию), то, может быть, он не станет отвергать ее дружбу? Хотя, если честно, то и в этом девушка сомневалась, потому что не находила

в себе ничего такого, что могло бы его привлечь. Даже в качестве друга. Но что-то все-таки изменилось в ней за этот год. А может быть, Ира просто устала от безответной любви и надеялась в душе, что определенность, какой бы та ни оказалась, принесет ей облегчение и покой.

4

Около четырех часов пополудни в трехкомнатной квартире Наумлинских раздался телефонный звонок.

– Привет, Ир... – Не сразу узнала она голос одноклассницы: ведь за все годы совместной учебы Снегирева позвонила первый раз.

– Привет! – обрадовалась Ира, не зная, что говорить дальше.

Но Галина с ходу взяла инициативу в свои руки:

– Я тут набросала кое-что... Хочешь прочитаю? Или, может, забежишь ко мне, чтобы не по телефону? И потом, мне тут кой-какие детали уточнить нужно... – неуверенно предложила Снегирева.

Но Наумлинская схватилась за эту идею как за спасательный круг:

– Конечно! Я с радостью! Только я, кажется, не знаю, где ты живешь... Галь... А это удобно? – тут же попыталась залезть обратно в свою «ракушку» девушка.

Но Снегирева, видимо, почувствовав это, поспешила заверить Иру:

– О чем ты говоришь? Конечно, удобно! Заодно и посмотришь, как живут твои одноклассники. Слушай, Ир... – сменила вдруг тон Снегирева. – А ты вообще-то хоть у кого-нибудь была в гостях?

– Да... – виновато протянула Наумлинская. – Заходила к Люсе Черепахиной как-то... в классе четвертом, кажется...

Снегирева продиктовала Наумлинской адрес, подробно рассказала, как найти ее дом, после чего Ира, не помня себя от радости, кинулась переодеваться. Почему-то ей хотелось сейчас выглядеть эффектно и празднично. А недостатка в одежде девушка, надо сказать, никогда не ощущала. Евгения Павловна изо всех сил старалась помочь дочери обрести уверенность в себе. А для девушки, по мнению мамы, красивые вещи играют в этом деле отнюдь не последнюю роль.

Увидев на пороге Иру, разодетую в ярко-фиолетовый с блестками блузон и серебристые брюки клеш, Снегирева так и ахнула:

– Ну тебе в таком наряде хоть сейчас на эстраду...

– Плохо, да? – сникла Наумлинская, почувствовав, как близко подступили к глазам слезы.

– Да ты что! Наоборот! – поспешила успокоить ее Галя. – Почему ты в школу ни разу так не пришла? Знаешь, как тебе здорово? Совсем другой образ получился! – искренне восторгалась Снегирева. – Да Геранмае от зависти не знаю что бы с собой сделала!

Между Снегиревой и Лу Геранмае с самого первого класса возникло что-то вроде антипатии или даже активного отторжения друг друга. Это чувство (или состояние?) усилилось в этом году, после того как Галя в силу обстоятельств сблизилась с лучшей подругой Лу – Люсей Черепахиной. Теперь Лу позволяла себе откровенные и обидные подколки в адрес Снегиревой, но у той было достаточно здравого смысла не реагировать на них. Возможно, Галя, не отдавая себе в том отчета, отчасти поэтому и согласилась помочь Наумлинской, что втайне желала, чтобы у Геранмае не осталось ни одного воздыхателя. А то, что Володя Надыкто сохнет по Лу с первого класса, ни для кого не было секретом.

– Слушай... Я всегда говорила, что у тебя очень своеобразная внешность, – продолжала сыпать комплиментами Галя, – но даже представить себе не могла, что ты можешь быть такой красавицей!

– Чего смеяться-то? – смутилась и покраснела до кончиков ушей Наумлинская.

– Я тебе точно говорю, – не унималась Снегирева. – Да если ты завтра в таком прикиде в школу явишься, то никаких стихов не потребуется! Тебе бы еще подстричься, – сказала Галя, критическим взглядом оценивая «хвостик» Наумлинской. До недавнего времени Снегирева и

сама носила точно такой же «хвостик». Но, познакомившись с Игорем, девушка словно заново на свет родилась. Все в ней изменилось, начиная с прически и заканчивая особым блеском в глазах. – Нет, правда-правда... Я бы на твоём месте сделала что-нибудь типа классического каре. Волосы у тебя классные, густые... А цвет вообще необыкновенный. Короче, каре, по моему, тебе очень пойдет. Хочешь, вместе в парикмахерскую сходим?

– Не знаю, – неуверенно пожала плечами Наумлинская. – Я и сама думала, чтобы такое сделать, чтоб измениться. Но прическа... А вдруг я еще хуже стану?

– Что значит «еще хуже»? – искренне возмутилась Галя. – Ты мне эти разговоры брось! С такими мыслями мы с тобой далеко не уедем! И давай сразу договоримся: раз уж ты выбрала меня... – Тут девушка осеклась в поисках нужного слова, но, так и не подобрав его, махнула рукой: – Короче, если хочешь, чтобы я тебе в этом деле помогла, то постарайся прислушиваться к моим советам. И не только в смысле стихов, договорились?

Наумлинская покорно кивнула, а Снегирева, довольная собой, тряхнула головой. Галя знала за собой один недостаток – ее всегда тянуло... не то чтобы помыкать кем-то, нет... Скажем мягче: руководить, наставлять на путь истинный, советовать, поучать. Но поскольку никто из ее ближайшего окружения даже и не думал прислушиваться к ее мудрым советам и наставлениям, то сейчас девушка была весьма рада неожиданно представившейся возможности. Галя всегда стремилась быть наставницей. А лучшей кандидатуры на роль покорной ученицы, чем Наумлинская, и представить себе было трудно! Словом, для обеих девушек все складывалось на редкость удачно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.